

**Понятийный европоцентризм
в глобальном мире**

Понятийный европоцентризм: за и против

М.Р. Бургете Аяла

Институт философии РАН, Москва, Россия

И.А. Герасимова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-11-33

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Расширяется круг участников дискуссии по проблемам философской географии, философской многополярности, георациональности, и дискуссия приобретает междисциплинарный характер. На прошедших в Институте философии РАН круглых столах приняли участие специалисты по восточным философиям, межкультурным коммуникациям, эпистемологи, методологи науки, когнитивисты, синергетики. Основной обсуждаемой темой стал вопрос о «европоцентризме» в академической философии. Оппоненты выступали против «региональной» многополярности, отстаивая взгляд на западноевропейскую традицию рациональности как образец рациональности вообще. Пропоненты, в значительной мере опиравшиеся на аргументы «ad professionem», отстаивали многополярность и указывали на несоизмеримость картин мира, языков и онтологий философских систем. Высказывалась точка зрения об идеологической подоплеке европоцентризма. Ставился вопрос о необходимости переопределения или уточнения таких фундаментальных понятий, как логика, рациональность, научная рациональность, универсализм, процессуальность. Уточнение понятия рациональности востребовано ходом исследования различных типов рациональности вне европейских культур. Когнитивные проблемы межкультурных коммуникаций оказались схожими с проблемами, с которыми сталкивается наука в познании сложной реальности. Анализ философских, логических и специальных кейсов в практических «зонах обмена» вскрывает множественность выходов в глобальном и локальных социально-культурных пространствах. Поднимались вопросы роли философии в глобальном мире и ее ответственности в объединении народов. Авторы статьи обращают внимание на многие функции, которые выполняет западноевропейская понятийная система в формировании философского языка, менталитета

и организации коммуникаций. Динамика философских коммуникаций, диалог Запада и Востока ведут к более глубокому пониманию культурных традиций, обогащению новыми понятиями и смыслами, формированию дискурсов будущего.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, рациональность, научная рациональность, география рациональности, философская многополярность, менталитеты логики, процессуальная логика, академическая философия, восточные философии, философские кейсы.

Бургете Аяла Марина Рикардовна – научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

burguete@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7741-9983>

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

home_gera@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4656-3100>

Для цитирования: Бургете Аяла М.Р., Герасимова И.А. (2019) Понятийный европоцентризм: за и против // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 11–33. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-11-33

Conceptual Eurocentrism: Pros and Cons

M.R. Burgete Ayala

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

I.A. Gerasimova

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-11-33

Original research paper

Abstract

The article discusses the problems of philosophical geography, philosophical multipolarity, georationality. The debates on these issues are becoming interdisciplinary. Specialists in Eastern philosophies and cross-cultural communications as well as epistemologists, scientific methodologists,

cognitive scholars, synergists became participants of the discussion held at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. The problem of Eurocentrism in academic philosophy has become the main topic of discussion. The opponents of the “regional” multipolarity argued that the Western European tradition of rationality was an example of the rationality *per se*. The proponents, who relied heavily on the *ad professionem* arguments, advocated multipolarity and demonstrated the irreducibility of the world-pictures, languages and ontologies of philosophical systems. A point of view was expressed that Eurocentrism had an ideological background. The disputants noted that there was need to redefine or clarify such fundamental concepts as logic, rationality, scientific rationality, universalism, processuality. The redefinition of the concept of rationality is for the studies of various types of rationality outside European cultures. Methodologists of science drew attention that the cognitive problems of intercultural communications turned out to be similar to the problems faced by theory of complexity. The analysis of philosophical, logical and other cases in various “zones of exchange” reveals a plurality of directions in the global and local socio-cultural spaces. The panelists raised the question of the role of philosophy in the global world and its responsibility in uniting nations. The authors of the article draw attention to many functions that the Western European conceptual system performs in the formation of philosophical language, mentality and communication. The dynamics of philosophical discussions, the dialogue of the West and the East lead to the clarification of philosophical positions, the emergence of new concepts and meanings as well as the formation of discourses of the future.

Keywords: intercultural communications, rationality, scientific rationality, geography of rationality, philosophical multipolarity, logic mentality, logic of processes, academic philosophy, Eastern philosophies, philosophical cases.

Marina R. Burgete Ayala – Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

burguete@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7741-9983>

Irina A. Gerasimova – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

home_gera@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4656-3100>

For citation: Burgete Ayala M.R. & Gerasimova I.A. (2019) Conceptual Eurocentrism: Pros and Cons. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 11–33.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-11-33

Введение

«Можно ли сегодня философствовать вне европейской понятийной системы?», а также «Процессуальная логика. Мышление и его границы» – эти две темы стали предметом бурной дискуссии, прошедшей в рамках проекта «География рациональности» в Институте философии РАН 25 апреля и 13 июня 2019 г. (руководитель – академик, директор Института философии РАН **А.В. Смирнов**). Тема многообразия типов рациональности в мировых философских традициях – Европы, Индии, Китая, Японии, мусульманского мира, Центральной Америки, Древней Руси – обсуждалась на первой встрече, материалы которой публиковались в журнале «Философские науки» № 6 и № 7 за 2018 г. Прошедшее мероприятие показало, что диалог исследователей, специализирующихся на отдельных философских регионах, постепенно перерастает в междисциплинарное изучение фундаментальной проблемы природы человеческого разума. Кроме историков философии с профессиональной языковой подготовкой к обсуждению подключились специалисты по теории познания, логике, когнитивистике, межкультурным коммуникациям, философии науки и синергетике. Как результат, формируется новая «зона обмена», в которой закладывается эвристический потенциал новых трансформаций философского знания.

Рациональность, логика, философия

Проблема рациональности и особенно научной рациональности считалась традиционной для эпистемологии и философии науки. В рамках классической эпистемологии проводились исследования типов рациональности, специфика которых определялась в зависимости от социальных детерминант познания. Общий итог этих исследований подвел академик **В.А. Лекторский** (ИФ РАН): «Рациональность исторична, она по-разному понимается и практикуется. Можно и нужно говорить о разных исторических типах рациональности и о разных ее формах» [Лекторский 2010, 267]. При этом понятие рациональности изучалось применительно к истории западноевропейской науки и философии. Современные трансформации рациональности в этом аспекте связывают с формированием глобального инфор-

мационного пространства и общества знания. Проблема рациональности, как показывает В.Н. Порус, заключается в «выяснении смысла “разумности” как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т.д.)» [Порус 2009, 807], что предполагает употребление частичных определений понятия рациональности, не претендующих на философскую всеобщность. В классическом рационализме «разумность» предполагала «логичность», которая уточнялась в принципах логики, а образцом ее служила классическая логика с присущими ей законами определенности, последовательности и непротиворечивости. Среди неклассических направлений эпистемологии стоит выделить эволюционную эпистемологию, в одном из направлений которой разрабатывалась «метатеория эволюции человеческого (рационального) знания» [Князева 2012, 13], включая особенности архаического и восточного менталитетов [Эволюционная эпистемология 2012]. Параллельно принципы методологии квантовой механики и синергетики осмыслялись в диалоге с восточными философскими учениями [Григорьева 1992; Григорьева 2000].

В основном докладе первого заседания «Дао сквозь призму Логоса» **А.А. Крушинский** (д. филос. н., к. и. н., ИДВ РАН) поставил проблему философствования в современном мире в остро полемичной форме. Докладчик на основании обширного историко-философского материала продемонстрировал роль европейской интеллектуальной традиции в становлении самосознания и самоопределения китайской философии. Постулировался «понятийный европоцентризм» как лидирующая понятийная матрица и трансквилизационный язык описания любых интеллектуальных построений, ставших предметом философского дискурса. Тем самым, как сказал докладчик, «западноевропейская рациональность на сегодняшний день должна рассматриваться в качестве рациональности как таковой. Таковы теоретические основания **глобального** характера современной академической *философии* (и тем более *науки*), коль скоро мы философствуем в рамках **современной философии**. Вот почему ни о какой философской **многополярности** говорить не приходится. Речь может идти только о философской **географии**, выявляемой и артикулируемой именно средствами западноевропейской понятийности» [Круглый стол... 2019] (см. также: [Крушинский 2019]).

В.А. Лекторский обратил внимание на то, что понятия «рациональность», «логика», «философия» взаимосвязаны, но эта взаи-

мосвязь подразумевает разные вопросы, которые стоит различать. Без логики рациональность невозможна, рациональность – более широкое понятие, не только предполагающее систему логических рассуждений, но и включающее некое представление о мире – картину мира. Картины мира могут отличаться в культурных традициях, они могут предполагать разные онтологии. Встает третий вопрос – предполагают ли разные логики и онтологии разные философии?

Заметим, что интеллектуальные взаимодействия между Западом и Востоком существовали на протяжении всей рациональной философской истории, но в глобальном мире изменился характер этих взаимодействий. Стал более интенсивным, взаимопроникающим, охватывающим все сферы философской жизни. Относительно независимые философские традиции встретились в прямом диалоге. Огромное значение для отечественной философии имел выход в свет трех Энциклопедий по восточным философиям [Китайская философия 1994; Индийская философия 2009; Философия буддизма 2011].

На протяжении всей истории Запад осваивал Восток, а Восток осваивал Запад. Знакомство и освоение носили разный характер – ассимиляции или неприятия, поглощения иной культурой или взаимного обогащения. Если совсем недавно была актуальна «философская география», предполагавшая описание и сравнительный анализ философских учений, то сегодня ведутся споры о «философской многополярности» как равноправного противостояния разных рациональностей. Резко против «понятийного европоцентризма» выступили специалисты по истории восточных учений. Основные оппоненты А.А. Крушинскому – **А.В. Парибок** (к. фил. н., Институт философии СПбГУ) и **Р.В. Псху** (д. филос. н., РУДН) – отстаивали два аргумента, которые они называли «цивилизационный» и «ad professionem». Согласно докладчикам, «двойной профессионализм, который включал бы в себя и научный историко-философский европейский подход, и полную компетенцию в незападной философии, сопоставимую с компетенцией ее “автохтонного” представителя, находится за пределами возможностей человеческого ума (исключение составляют редчайшие гении)» [Парибок, Псху 2019, 99]. От себя добавим: если принять во внимание неизбежный ход когнитивной эволюции (допускающей регресс, скачки и разрывы), то есть надежда на то, что когда-нибудь в далеком будущем

произойдет «демократизация гениальности» – обычные люди приобретут черты гениев, а гении будут формировать новые качества в эволюционной лаборатории человеческого разума.

Менталитеты логики

Многоаспектный характер взаимодействия западной и восточной рациональности можно пояснить на примере конкретных кейсов. Для начала рассмотрим трансформацию взглядов в достаточно консервативной области философского знания, такой как логика. **В.А. Лекторский** считает, что элементарная логика (в европейской традиции – классическая) должна составлять базисный слой любой рациональности, который дает возможность любой рациональности называться рациональностью, а не нерациональностью. И этот базисный слой настолько фундаментален и первичен, что и в китайской, и в европейской философии должна быть одна и та же логика. Логическую способность Владислав Александрович понимает широко – как способность к умозаклучениям (обобщениям). С этой точки зрения можно сказать, что любой условный рефлекс есть логическое рассуждение. Когда Гельмгольц сказал, что восприятие есть умозаклучение, то из этого следует, что это любое умозаклучение у европейца, китайца, у ребенка, у животного. Они воспринимают мир и делают умозаклучения [Круглый стол... 2019].

Если под логикой понимать профессиональные занятия с развитой методологией и языками (формальную или символическую логику), то в стандартной модели начала этой науки усматривали в трудах Аристотеля. Именно в его «Аналитике» были сформулированы принципы классической логики: определенность, непротиворечивость, последовательность, – и создана первая формальная логическая модель – силлогистика. Принципы классической логики сыграли важную роль в формировании научного, теоретического мышления. В логической науке, оперирующей искусственными языками, многие вопросы, представляющие интерес для межкультурных исследований, были решены на своем уровне. В частности, стали топами положения о влиянии онтологии на язык; о множественности (континууме) логических систем; о возможности перевода логико-языковых каркасов в отдельных случаях (в целом или при ограничительных условиях); о невозможности

перевода, но возможности представимости искусственных языков. Обсуждается проблема универсальной логики. В аспекте проблемы рациональности можно сказать, что хотя и осторожно, но все-таки профессиональные логики осваивают принципы незападной логики. Логика как наука формировалась в недрах западноевропейской традиции, и формализации как строгие модели вошли в ее инструментарий (математический по своей дисциплинарной форме). Все, что не формализуется, может быть подвержено сомнению в принадлежности к логике.

В сравнительно недавно вышедшей «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» в статье «Логика» автор, крупнейший специалист в этой области, А.С. Карпенко выделил особый подраздел «Менталитеты логики». История логики прослеживается в традиционном для этой дисциплины ключе. Логика берет начало в Античности, но «некоторые ее элементы появились в Индии и Китае», «интересное преломление древнегреческой логики произошло в арабской философии». Автор с долей иронии заключает раздел о менталитетах логики: «Конечно, было бы интересно иметь какие-либо свидетельства, напр., о логике ацтеков или об африканской логике. Как бы то ни было, логика реализовалась лишь в западноевропейском менталитете. Это прямое наследие древнегреческой цивилизации» [Карпенко 2009, 428].

Имеется и полярная точка зрения, причем в отношении истории логики и логической рациональности выдвигаются аргументы «ad professionem». Специалист в области истории индийской философии и логики **Н.А. Канаева** (к. филос. н., ВШЭ) считает, что незрело время пересмотреть понятия «логики» и «рациональности» [Канаева 2019]. В обосновании тезиса философ обращается к факту отсутствия всеобщего понятия рациональности в западноевропейской философии, рассматриваются разные варианты – научная рациональность, философская рациональность, коммуникативная рациональность и т.д. Переопределение понятия рациональности, по мнению Канаевой, должно быть эвристически полезным для проведения исследований различных типов рациональности вне европейских культур. Собственные исследования Канаевой научной рациональности в индийской мысли вскрывают интересные особенности. В Индии математика очень сильно отличается от европейской. Вроде бы индийцы придумали цифры, которыми мы пользуемся, но оказывается, что в классической индийской математике совершенно отсутствуют доказательства. Там когда-то

установленные и предложенные решения задач воспринимаются как полученное путем откровения священное знание, в дальнейшем варианты решений не обсуждаются. Есть просто неправильные решения, которые передавались из поколения в поколение.

Математическая рациональность – и это нам даже кажется самоочевидным – тоже бывает разной. В цифровой эпохе «медленная рациональность» (с пошаговым скрупулезным логическим рассуждением) начинает конкурировать с потребностью в скоростных типах мышления, которые в эпистемологической литературе известны как формы непосредственного знания. Качество осознанности в мышлении и принятии решений в западно-европейской истории формировалось с развитием опосредованных форм логико-языкового мышления. Актуальными для философского поля исследований становятся задачи нахождения гибких форм динамичного взаимодействия сознания и бессознательного, интуиции и логики, непосредственного восприятия и опосредованной рефлексии.

Укажем на еще одну проблему методологического характера. Требуется особое творчество не только в разработке теоретических схем, но и в их применении к анализу конкретных кейсов. Обратим внимание на то, что восточный логический менталитет изначально выстраивал стратегии, в которых сочетались схемы (общее) с непосредственным наблюдением (конкретным), логика неразрывно была связана с эпистемологией (классический пятичленный силлогизм).

Первичное знакомство европейских логиков с восточной логической мыслью, как правило, вызывает реакцию освоить ее, используя известные модели рассуждений. При этом, несомненно, происходит обогащение логических идей и их формальных реализаций. В 70-х гг. прошлого столетия выходят в свет работы Н. Белнапа, посвященные рассуждающему компьютеру [Belnap 1977]. Белнап вводит четыре обобщающих значения истины («компьютеру была сообщена только истина», «компьютеру была сообщена только ложь», «компьютеру были сообщены истина и ложь», «компьютеру не были сообщены ни истина, ни ложь»). Как было осознано позднее, сама формальная структура схожа с индийской тетралеммой (чатушкотикой – «четырёхвершинной»), которую использовали брахманы, а затем буддийские философы в целях описания реальности. Сама модель восходит к шраманскому периоду, эпохе Будды

[Шохин 1994]. При первом знакомстве с моделью чатушкотики с начала XX в. буддологи и западные логики задавались вопросами статуса логических операторов (отрицания, дизъюнкции), в этих целях были привлечены аппараты булевой алгебры, логик Лукасевича, интуиционистских логик [Шохин 1994, 101–103]. Обсуждались полемические возможности чатушкотики. И до сих пор модель тетралеммы стимулирует мысль формальных логиков, изучающих обобщения классических значений истинности [Зайцев, Григорьев 2011]. Философская идея различия онтологического и эпистемологического понимания истины, проводимого еще в Средневековье, реализуется в современных логических теориях. Как отмечают Зайцев и Григорьев, «еще более поразительное свидетельство о двойственном понимании истины содержится в буддийской доктрине двух истин (тиб. *bden-pagnyis*)» [Зайцев, Григорьев 2011, 129]. Модель чатушкотики активно использовалась в задачах стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты [Шохин 2004], а в западной философии она в неявной форме конституирует антиномичные рассуждения.

Авторы формальной логической модели, ассоциированной с китайским менталитетом, не скрывают, что сама модель может прямо и не быть связана с реальными мыслительными процессами [Liu, Seligman, van Benthem 2011]. Напротив, монографические исследования А.А. Крушинского с применением логико-математического аппарата нацелены на решение проблемы прояснения логического менталитета китайцев [Крушинский 1999; Крушинский 2013]. В этом же направлении работает его ученица – **Н.В. Пушкарская** [Пушкарская 2019].

Проблема субстанциальной и процессуальной онтологий, а также логических построений на основе этих разных онтологий стала предметом специальной дискуссии второго заседания «Процессуальная логика. Мышление и его границы». Отправной точкой обмена мнениями стала подборка статей о процессуальной логике («Вопросы философии». 2019. № 2). С докладами выступили А.В. Смирнов, В.И. Шалак, И.Ф. Михайлов. В своем докладе «Можно ли мыслить процессуальность в рамках европейской понятийной системы?» **А.В. Смирнов** ввел новые акценты в тематику, заданную А.А. Крушинским относительно «европоцентризма».

А.В. Смирновым сразу было оговорено, что он ограничивается сферой сознания, взятой безотносительно к традиционной

проблеме соотношения бытия и мышления. Основная идея заключалась в том, чтобы построить такое понимание сознания, которое бы объясняло, как устроено *связное сознание*. Термин «связное» для данного подхода принципиален. *Бессвязное* сознание, отклонения медицинского характера, подсознание или какие-то иные состояния психики выносятся за скобки рассмотрения. Смирнов пояснил, что хочет протянуть эпистемную цепочку, иерархию познавательных актов от самого базиса до верха, а именно – чувственное восприятие, язык и теоретическое мышление. Хотя это очень укрупненное деление, но для автора оно удобно. Почему это эпистемная цепочка, а не просто россыпь звеньев? Связаны они тем, что в каждом из этих уровней задается субъект-предикатная связность, которая, как представляется автору, является центральной для нашего *человеческого* сознания.

Согласно этой гипотезе, отличие человеческого сознания от сознания животных, даже самых высших, заключается в способности создавать, оперировать или полагать субъект-предикатную связность. Известно, что человеческие знаково-символьные языки эволюционировали. Когда была изобретена субъект-предикатная связность, язык приобрел качественно новые выразительные возможности, стали развиваться соответствующие когнитивные способности. Смирнов подчеркнул, что это в каком-то смысле безответственная идея, но она показывает, что для него важно отличие знака в его стандартном понимании от субъект-предикатной связности. Язык есть нечто большее, чем знак, мы выражаемся не словами, а предложениями. Другой вопрос, как возможна связность? Связность субъекта и предиката совершенно загадочная вещь. Их два: шар – круглый. Их два, но это одно. Потому что «шар – круглый» – это не то, что отдельно «шар» и отдельно «круглый», и в то же время они могут разделяться. То, что является одним, двойственно, и то, что двойственно, является одним.

Как это происходит и как это возможно – абсолютно загадочная вещь! Почему мы вдруг это понимаем? Два разных слова, каждое из которых по отдельности является знаком, указывающим на свой предмет, но, когда они вместе, оказывается – шар круглый. Как возникает связность в нашем сознании? Согласно Смирнову, для европейского сознания большую роль играет интуиция пространства. Даже в сугубо научных текстах профессионалы иллюстрируют идеи наглядно. Они на самом деле идут от одной и той же интуиции,

которая сугубо пространственная. Достаточно напомнить о кругах Эйлера или диаграммах Венна, с помощью которых логики любят пояснять логические отношения.

Эпистемная цепочка (чувственное восприятие – язык – теоретическое мышление) может быть задана как субъект-предикатная связность на всех трех уровнях – это первая ключевая идея. Вторая ключевая идея заключается в том, что субъект-предикатная связность может задаваться разными исходными интуициями или, если хотите, разным телесным опытом. Один тип субъект-предикатной связности задается интуициями пространства, а другой – интуицией протекания. Концептуализация последней приводит к понятию действия. Действие принципиально непространственно, его след может быть пространственным, но оно непространственно. Бергсон, писавший об интуиции протекания, точно улавливает то, что очень метко характеризует, на наш взгляд, тот тип или способ смыслополагания, который развернут в опыте арабской и доисламской, а потом и арабо-мусульманской культуры. Здесь докладчик сделал одно важное замечание, поскольку эти мысли очень часто встречаются в намеренно искаженном понимании.

Разные типы связности задают разные логики. Это верно. И как таковые они не совместимы и не переводимы одна в другую, поскольку у них основания разные. И они целиком выстраивают всю эпистемную цепочку, по-разному. В данной цепочке рассуждений речь идет о чистой теории. Второй вопрос касается того, как чистая теория реализуется в опыте культур. Если в европейской культуре доминируют интуиции пространственности, то арабо-мусульманская по своему логическому менталитету тяготеет к процессуальности. Эти общие положения (*simpliciter*) стоит дополнить оговорками (*secundum quid*). Как сказал докладчик, большая культура, которая цивилизацию порождает, может опираться на разные типы связности.

Третий тезис – разные логики могут сочетаться в мышлении конкретных личностей. В нашем сознании, в нашем повседневном поведении, в наших спонтанных умозаклечениях, когда мы делаем вывод, когда мы говорим: «Это так, а это не так», когда мы мотивируем свое поведение – они присутствуют все. Как они совмещаются – это другой вопрос, но они присутствуют. Это не значит, что если я не араб, то у меня нет процессуальной логики в голове, она там есть. Если я не

араб, то это означает, что я не принадлежу арабской культуре, т.е. эта логика для меня не задает всю большую культуру, мое теоретическое мышление и т.д.

В содокладе **В.И. Шалака** (д. филос. н., ИФ РАН) «Онтология и логика процессов» были высказаны аргументы относительно доминирования субстанциональной онтологии в европейском логическом мышлении. Докладчик, обогащая арсенал инструментов логической науки, предложил модель логики на основе процессуальной онтологии. В последующей дискуссии обращалось внимание на концепции и модели процессуальности в европейской традиции (В.М. Розин, Т.Б. Любимова) [Розин 2019; Любимова 2019].

К.И. Бахтияров (д. филос. н., профессор кафедры высшей математики РГАУ-МСХА) ознакомил со своей моделью процессуальности, в которой воспроизводятся принципы описания периодических процессов возникновения и уничтожения, обсуждавшиеся Аристотелем, Ибн Синой, Ибн Араби, Р. Луллием. Напрашивается вывод: моделей на основе процессуальной онтологии может быть много. Но в то же время напрашивается и вопрос: какая из моделей наиболее адекватно подходит для уточнения идей мутазилизов, о чем говорил А.В. Смирнов?

Проблема философского универсализма в условиях динамики зон обмена

Точка зрения «ad professionem» в значительной мере может повлиять на мнение и выводы исследователя. В своем выступлении **В.Г. Лысенко** (д.филос.н., ИФ РАН) сказала, что неслучайно такая жесткая европоцентристская логицистская позиция была представлена со стороны исследователей Китая. Человеку, который занимается индийской традицией, никогда не придет в голову выстроить такую систему в силу общности индоевропейских категорий мышления. Универсалистское определение философии, согласно которому существует универсальный логос, а все остальные философии – его подвиды, не работает в изучении незападных философий. Концепция семейного сходства, которая исключает эссенциализм, более адекватно отражает географические реалии рациональности. Есть какие-то общие черты между разными культурными мирами, а есть какие-то различающие черты. И не надо какого-то максимализма, не надо никакой категоричности. Вы просто

работаете в совершенно другой системе координат, вы создаете межкультурные дискурсы.

Мнения относительно универсализма и особенностей работы в разных системах координат разделились среди участников дискуссии. **И.Ф. Михайлов** (к. филос. н., ИФ РАН) привел выводы исследователей в области нейронаук и когнитивистики, согласно которым не подтверждаются философские презумпции относительно того, что «крупные этнокультуры порождают или основываются на собственной рациональности и собственной логике» [Михайлов 2019]. Однако критически настроенные философы высказывают возражения против правомерности многих выводов когнитивистов, методологии которых выстраиваются на натуралистических презумпциях и порой искусственно созданных экспериментальных условиях. Ширятся исследования медитативных состояний с применением инструментальных естественнонаучных методов, результаты которых заставляют задуматься над границами рационального-иррационального, сознательного-бессознательного.

В выступлении **Т.Б. Любимовой** (д. филос. н., ИФ РАН) достаточно резко были очерчены границы аналитического языка западноевропейской науки и философии. По мнению исследователя, они не подходят для понимания метафизических доктрин традиционных культур, которые символичны и синтетичны [Любимова 2019]. Заметим, что когда-то на заре европейской рациональности одной из причин «греческого чуда» стало развитие языковых форм коммуникации и теоретического мышления, в т.ч. за счет трансформаций символического мышления в понятийное. Однако вывод о прямой связи греческого типа аналитической ментальности с тенденциями механического мышления техногенной цивилизации вызывает сомнения в силу нелинейного характера когнитивной эволюции. Символическое мышление не исчезало с исторической сцены, но гипертрофия инструментального интеллекта, возможно, и привела к упрощению рациональной сферы человека.

В контексте проблем «географии рациональности» эвристический потенциал заложен в исследованиях «зон обмена» и взаимодействий культур.

Исследования японских кейсов в работах **Л.Б. Кареловой** (к. филос. н., ИФ РАН) вскрывают факты обогащения мирового философского языка и возникновения новых дискурсов при освое-

нии представителями японской традиции западноевропейских концептуальных систем на рубеже XIX–XX вв. [Карелова 2019].

Еще один кейс представляет несомненный интерес в дискуссиях по проблемам географии рациональности. Медицина как сфера практической деятельности и миропонимание (философия) исторически всегда представляли непрерывную «зону обмена» опытом и миропониманием между народами Запада и Востока. Индийская традиция медицины, достаточно рано оформившаяся в текстах и диспутах философских школ, уже в раннем периоде оказывала значительное влияние на персидско-арабскую медицину, а также на цейлонскую и в значительной мере на тибетскую. В VII в. аюрведа привнесена на Тибет, вместе с буддизмом тибетская медицина проникла в Монголию (XIII в.) и на территорию современной Тувы, Калмыкии и Забайкалья (XVII в.), где развивалась среди бурят и калмыков. Параллельно в средневековой Европе доминировала традиция Галена – Гиппократ, в XII в. с переводом с арабского на латинский она обогатилась «Канонм врачевной науки» Ибн Сины (Авиценны), который по тем временам был внушительной энциклопедией медицинского знания. С изобретением в XV в. книгопечатания «Канон» переводился на европейские языки и быстро распространялся. Вершиной медицины и хирургии эпохи Возрождения стал Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст Гогенгейм) (1493–1541), который соединил герметические принципы с рациональными методиками. Трансляция медицинских знаний древних культур проходит через все русское Средневековье и с середины XVII в. соединяется с профессиональной медициной. Медицинские тексты входят в лечебник и травник энциклопедического характера «Благопрохладный вертоград» («Сад здоровья», 1534 г.), основу которого составил перевод Николая Любечанина (Николая Булева) немецкого издания «Аптекарского лечебника» (1492 г.). Немецкая литература в то время вобрала в себя и греко-римскую, и азиатскую традиции.

Даже из весьма беглого взгляда на историю медицинской практики и книжности очевидно, что обмен знаниями был постоянным, каждая культура вносила свой вклад в мировой опыт. Можно выделить общие принципы древнего врачевания и в тоже время многообразие конкретных школ. С развитием новоевропейской науки и нового миропонимания в странах, взявших курс на научно-техническое развитие, происходит разрыв с традиционной

холистической медициной. Но в век глобальных взаимодействий, развитой западной аналитичности и развитой восточной синтетичности встреча порой полярных традиций и менталитетов демонстрирует возможности взаимообогащения.

Представляет интерес исследование **М.В. Рубец** (к. филос. н., ИФ РАН), посвященное освоению китайцами европейской медицины, а европейцами – китайской при крайней отдаленности картин мира, языков, менталитетов, когнитивных способностей [Рубец 2019]. Несмотря на трудности восприятия и перевода, взаимопонимание все-таки возможно при открытой рациональности (В.С. Швырев), несоизмеримость может быть преодолена в практике ответственного диалога.

Возможности универсального языка и границы перевода несоизмеримых языков обсуждались на основе кейсов научной рациональности в такой области, как теоретическая физика. Проблемы понимания, схожие с межкультурной коммуникацией, осознавались методологами науки с развитием далеких от повседневного опыта областей знания, таких как квантовая механика. **В.И. Аршинов** (д. филос. н., ИФ РАН) и **В.Г. Буданов** (д. филос. н., к. физ-мат. н., ИФ РАН) ввели дополнительное измерение в дискуссию, указав на аналогию с ситуацией в науке, столкнувшейся в XXI в. со сложностью реальности и сложностными коммуникациями [Аршинов, Буданов 2019].

Понятие «георациональность» не звучало в устах диспутантов, но подспудно идея человеческого разума как некоего «единства множественного» проходила через ряд выступлений. Большинство участников выступали против упрощенного понимания универсализма как одной доминирующей категориальной системы понятий, против использования универсализма как предельно абстрактного понятия. В то же время осознавалось, что реальные взаимодействия культур и философских учений в условиях нарастающих темпов глобализации не могут не формировать новых учений синтетического характера. Смыслы понятия «универсальность», равно как понятия «георациональность» в условиях ускоренных трансформаций планетарного сообщества только формируются, пока образ будущего в реальных социокультурных процессах не проявился достаточно четко.

В своем выступлении **А.В. Беляев** (к. филос. н.) предложил расширить сугубо философский дискурс до более глобального – социокультурного. А.В. Беляев обратил внимание на то,

что «значимость всех обсуждаемых на Круглом столе проблем зависит ровно от того, какова значимость философии в социокультурной системе в целом. Если бы будем считать, что философы занимаются своими философскими проблемами, которые никому, резко скажем, не нужны в культуре, то все проблемы, которые были поставлены, сразу будут снижаться до нуля. Они будут подниматься и увеличивать свою значимость в зависимости от того, как будет подниматься значимость философии в социокультурных процессах. Чем она значимее будет, тем значимее будут проблемы, которые были поставлены. Смысл разговоров об универсализме и партикуляризме в отношении философии превращается в смысл разговора об универсализме и партикуляризме в отношении социокультурной архитектуры человечества в целом.

Представим себе две идеально типические ситуации. Первая – человечество разделено на социокультурные системы, которые назовем системами типа “культура”, каждая из них обладает собственной системой ценностей, системой зрения на мир, философия внутри нее отражает эту систему зрения в рациональных вариантах. Причем каждая из культур обладает автоцентричным сознанием, то есть она сама себя рассматривает в качестве центра универсума. Все остальные культуры воспринимаются либо как варварские, либо как в лучшем случае еретические. Что мы тогда имеем? Мы имеем человечество, разделенное на отдельные миры, противопоставленные друг другу и находящиеся в состоянии борьбы всех со всеми. Если мы осознаем это как фундаментальный социокультурный вызов, то какой ответ на это можно представить? Ровно тот ответ, который дает на это новоевропейская культура, – модерн. Этот ответ можно назвать интеркультурным.

Что это означает? Это означает, что из культурной архитектуры мы получаем архитектуру, в которой наряду с индивидуальными мирами существует еще общая универсальная основа, дающая возможности для коммуникации и конструктивного взаимодействия в общечеловеческом плане. А для этого что нужно будет? Для этого нужно будет создать или взять откуда-то язык рациональности, на котором можно будет выразить способы рационального взаимодействия; нужно будет взять систему ценностей, которая могла бы объединить все культуры на определенном уровне, – то, что сейчас называется системой общечеловеческих ценностей. Следовательно, мы должны будем в той или иной мере конституировать или взять откуда-то общечеловеческую философию.

фию, а она по отношению к философии частных культур должна занимать то место, какое занимают общечеловеческие ценности и генерализированные структуры, объединяющие человечество и не дающие ему распасться на отдельные самозамкнутые миры.

В этом процессе мы видим, что сама проблематика, о которой говорили докладчики, не является новой, она очень четко и остро поставлена с середины XIX в., когда, наряду с интернационалистскими тенденциями внутри самой Европы, начали действовать откровенные контртенденции – тенденции национализма, причем по всему фронту европейских обществ. В России были свои варианты партикуляристской философии, в Германии свои, в Испании свои и т.д. Этот партикуляризм стал одной из основ Первой мировой войны. Хотя она, конечно, была и войной интересов, а с точки зрения марксизма была войной полубуржуазных или буржуазных империй, но на определенном уровне она была войной национальных государств и националистических идеологий. Одним словом, идя по этому пути, мы приходим к необходимости, точнее к неизбежности, выработки универсалистской философии и универсалистской рациональности для решения этой социокультурной проблемы мирового масштаба, относящейся к именно такого рода понятиям, а не к локального рода философским проблемам» [Круглый стол... 2019].

Заключение

Можно ли сегодня философствовать вне западноевропейской системы понятий? Участники дискуссии приводили разные доводы «за» и «против» положительного ответа на этот вопрос. Обратим внимание на аспект коммуникации в этом сложном мире культурных взаимодействий. Дискуссия проходила на русском языке и в рамках западноевропейской системы понятий. Именно эта категориальная система оказалась единственно возможным языком-посредником в междисциплинарных коммуникациях философов на сегодняшний момент. Вовлечение в дискуссию специалистов по разным философским направлениям, расширяющиеся зоны обмена открывают новые горизонты видения фундаментальной проблемы рациональности и перспективы философии в глобальном мире. Как показала дискуссия, система философских понятий не является жесткой, в динамичном мире идут интенсивные процессы трансформаций смыслов и смыслопорождения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аршинов, Буданов 2019 – *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* (2019) Процессуальное мышление в онтолого-эпистемологическом контексте квантовой механики // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 7. С. 21–36.

Бахтияров 2018 – *Бахтияров К.И.* Принципы тринитарности и фрактальности генезиса // *Метафизика*. № 2 (28). С. 87–98.

Григорьева 1992 – *Григорьева Т.П.* Дао и логос (встреча культур). – М.: Восточная литература, 1992.

Григорьева 2000 – *Григорьева Т.П.* Синергетика и Восток // *Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов*. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 215–242.

Зайцев, Григорьев 2011 – *Зайцев Д.В., Григорьев О.М.* Две истины – одна логика // *Логические исследования*. 2011. Т. 17. С. 121–139.

Индийская философия 2009 – *Индийская философия: Энциклопедия* / отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009.

Канаева 2019 – *Канаева Н.А.* Так ли страшен понятийный европоцентризм? // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 6. С. 70–87.

Карелова 2019 – *Карелова Л.Б.* К вопросу об универсальности понятийного аппарата современной западной философии: японский кейс? // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 6. С. 100–113.

Китайская философия 1994 – *Китайская философия. Энциклопедический словарь* / ред. Титаренко М.Л. – М.: Мысль, 1994.

Князева 2012 – *Князева Е.Н.* Эволюционная эпистемология в ретроспективе и перспективе // *Эволюционная эпистемология. Антология*. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 5–42.

Круглый стол... 2019 – *Круглый стол «Можно ли сегодня философствовать вне европейской понятийной системы?»*, 25 апреля 2019 г. Видеотрансляция // Сайт Института философии РАН. – URL: https://iphras.ru/25_04_kruglyi_stol.htm

Крушинский 1999 – *Крушинский А.А.* Логика «И цзина»: Дедукция в Древнем Китае. – М.: Восточная литература РАН, 1999.

Крушинский 2013 – *Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая. – М.: ИДВ РАН, 2013.

Крушинский 2019 – *Крушинский А.А.* (2019) Дао сквозь призму логоса: понятийный европоцентризм // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 6. С. 33–53.

Лекторский 2010 – *Лекторский В.А.* Об исторических типах рациональности // *Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии*. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 267–272.

Любимова 2019 – *Любимова Т.Б.* Единообразие против единства // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 7. С. 54–72.

Михайлов 2019 – Михайлов И.Ф. Восприятие, логика и множественность рациональных репрезентаций мира // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 37–53.

Парибок, Псху 2019 – Парибок А.В., Псху Р.В. Методологические и содержательные аргументы против понятийного «европоцентризма» // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 54–69.

Порус 2009 – Порус В.Н. Рациональность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. С. 807–809.

Пушкарская 2019 – Пушкарская Н.В. Магический квадрат Лошу как свидетельство рассудочно-математической ориентации китайского стиля мышления // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 151–159.

Розин 2019 – Розин В.М. Условия обсуждения и мыслимости георациональности // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 7–20.

Рубец 2019 – Рубец М.В. Проблема согласования языковых картин мира (на примере западноевропейской и китайской медицины) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 114–125.

Философия буддизма 2011 – Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Восточная литература, 2011.

Шохин 1994 – Шохин В.К. Брахманистская философия. – М.: Восточная литература, 1994.

Шохин 2004 – Шохин В.К. Стратификация реальности в онтологии адвайта-веданты. – М.: ИФ РАН, 2004.

Эволюционная эпистемология 2012 – Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред., сост. Е.Н. Князева. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Belnap 1977 – Belnap N.D. How a Computer Should Think // Contemporary Aspects of Philosophy / ed. by G. Ryle. – Stockseld: Oriel Press, 1977. P. 30–55.

Liu, Seligman, van Benthem 2011 – Liu F., Seligman J., van Benthem J. Models of Reasoning in Ancient China // Studies in Logic. 2011. Vol. 4. No 3. P. 57–81.

REFERENCES

Arshinov V.I. & Budanov V.G. (2019) Processual Thinking in the Ontological and Epistemological Context of Quantum Mechanics. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 21–36 (in Russian).

Bakhtiyarov K.I. (2018) The Principles of Trinitarianism and Fractality of Genesis. *Metaphysics*. 2018. No. 2, pp. 87–98 (in Russian).

Belnap N.D. (1977) How a Computer Should Think. In: Ryle G. (Ed.) *Contemporary Aspects of Philosophy* (pp. 30–55). Stockseld: Oriel Press.

Grigoryeva T.P. (1992) *Dao and Logos (Encounter of Cultures)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Grigoryeva T.P. (2000) Synergetics and the East. In: *Synergetic Paradigm. A Variety of Searches and Approaches* (pp. 215–242). Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Kanaeva N.A. (2019) Is the Conceptual Eurocentrism Terrible So Much? *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 70–87 (in Russian).

Karelova L.B. (2019) On the Problem of the Universality of Modern Western Philosophy Conceptual Framework: The Japanese Case. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 100–113.

Knyazeva E.V. (2012) Evolutionary Epistemology in Retrospect and Perspective In: Knyazeva E.V. (Ed. & Comp.) (2012) *Evolutionary Epistemology: Anthology*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Knyazeva E.V. (Ed. & Comp.) (2012) *Evolutionary Epistemology: Anthology*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Krushinskiy A.A. (1999) *The Logic of I Ching: Deduction in Ancient China*. Moscow: Vostochnaya literatura, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krushinskiy A.A. (2013) *The Logic of Ancient China*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krushinskiy A.A. (2019) The Dao through the Prism of the Logos: Eurocentrism at the Level of Concepts. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 33–53 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2010) On the Historical Types of Rationality. In: *Philosophy in the Dialogue of Cultures: Materials of the World Philosophy Day* (pp. 267–272). Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Liu F., Seligman J., & van Benthem J. (2011) Models of Reasoning in Ancient China. *Studies in Logic*. Vol. 4, no 3, pp. 57–81.

Lyubimova T.B. (2019) Uniformity vs. Unity. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 54–72 (in Russian).

Mikhailov I.F. (2019) Perception, Logic and Plurality of Rational Representations of the World. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, 37–53 (in Russian).

Paribok A.V. & Pskhu R.V. (2019) Methodological and Substantial Arguments against “Conceptual Eurocentrism”. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 54–69 (in Russian).

Porus V.N. (2009) Rationality. In: Kasavin I.T. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science* (pp. 807–809). Moscow: Kanon+ (in Russian).

Pushkarskaya N.V. (2019) The Luoshu Magic Square as an Evidence of the Rational and Mathematical Orientation of the Chinese Style of Thinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 151–159 (in Russian).

Rozin V.M. (2019) Conditions for Discussing and Comprehending Georationality. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 7–20 (in Russian).

Rubets M.V. (2019) The Problem of the Harmonization of the Linguistic Pictures of the World (The Case of Western European and Chinese Medicine). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 114–125 (in Russian).

Shokhin V.K. (1994) *Brahminist Philosophy*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Shokhin V.K. (2004) *Stratification of Reality in the Ontology of Advaita-Vedanta*. Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Stepanyants M.T. (Ed.) (2009) *Indian Philosophy: Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya literatura; Akademicheskii proyekt; Gaudeamus (in Russian).

Stepanyants M.T. (Ed.) (2011) *Philosophy of Buddhism: Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Titarenko M.L. (Ed.) (1994) *Chinese Philosophy. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Zaitsev D.V. & Grigoryev O.M. (2011) Two Truths – One Logic. *Logical Investigations*. Vol. 17, pp. 121–139 (in Russian).